

Аргументы и факты. - 1989. - 18-21 ноября. (№46)  
**Индивидуальный смех**  
**для общей пользы**

С писателем-сатириком **Михаилом ЗАДОРНЫМ** беседует наш корреспондент **Р. РЫКОВА**.

— Михаил Николаевич, как случилось, что, получив в МАИ диплом инженером, вы стали сатириком?

— Я всегда занимался в самодеятельности, поэтому, когда стал инженером, мне предложили организовать студенческий театр, я согласился и так увлекся, что наш агиттеатр «Россия» через два года получил звание народного, через три — премию Ленинского комсомола, а через пять, как и подобает настоящему студенческому театру, мы распались.

— И как же вы попали в профессыоналы?

— Все тексты самодеятельных пьес я писал сам. А поскольку это был все-таки студенческий театр, сочинял для него и юмористические миниатюры. У нас довольно часто бывали на спектаклях артисты Москонцерта. И неожиданно для меня, некоторые из них, к примеру Евгений Петросян, стали брать эти миниатюры для исполнения.

А теперь я признаюсь в самом сокровенном: когда я получил деньги за первую миниатюру, которую два года исполняли по стране, меня это вдохновило... Но на всякий случай я спросил в ВААПе: «У вас там запятая не затерялась?». На что мне ответили: «Ну вы и хапуга!». Они подумали, что я решил перенести запятую в другую сторону.

Одним словом, за первым

вдохновением пришло второе. Потом третье.

— Сатирик Задорнов — похоже на псевдоним...

— Вы что имеете в виду — жанр или национальность?

— Я вообще-то жанр, но, если вы так хотите, и то и другое.

— Мой отец — Николай Задорнов, автор романов «Амур-батюшка», «Война за океан», серии книг о Дальнем Востоке. Мне кажется, что человек, написавший такие вещи, не может иметь псевдоним.

— А вы член Союза писателей?

— Нет. В свое время я объяснил по телевидению, что в Союз писателей не принимают тех, у кого нет книг, а книги тех, кто не член Союза писателей, не печатают. Потом издали постановление принимать по одной книжке. Пока я печатал первую книжку, которая вышла в «Советском писателе», издали постановление принимать по двум. У меня появилась вторая, так в новом постановлении написали, что две книжки мало. Я не могу угнаться за постановлениями.

— Правду во все времена дозволялось говорить юродивым да шутам. Иногда — сатирикам. Юродивому — потому что он считался божьим человеком, шуту — потому что был шутком короля. А сатирику? Скажем, Михаилу Задорнову?



— Что вы понимаете под этим словом?

— К примеру, все наши плакаты: «Принимай, Родина, серную кислоту!» или: «Челябинцы, отработаем суббоник все, как один!».. Ни в одной стране мира нет этого искусства. А песни нашей пролетарской культуры: «В скалу ли ты врubaешься, в моря ли ты врubaешься, мечта прекрасная, еще неясная...». Это что за поколение людей, которые с неясной мечтой врubaются в скалу?! «Ты не ходи и глаза не отвертывай, я от тебя не сбегу никуда...». Что он, с отверткой ходит, что ли?

— Вам приходилось выступать перед партийными и государственными работниками?

— Приходилось, но это всегда очень сложно. Особенно в тех министерствах и ведомствах, которые подлежат сокращению. Когда чиновники приходят на концерт с женами, те хоть хохочут, а на них самих жалко смотреть. Наблюдал тут за одним: сидит, не улыбается, пыжится, рядом жена украдкой от него хихикает. Так он щипать ее стал. Она с концерта ушла вся общипанная.

В одном городе меня пригласили выступить в горкоме партии. В зале стоял огромный Т-образный стол, впереди сел первый секретарь, за спиной у него второй, а третий — напротив. Я рассказываю — все смеются. А второй — нет, не видит лица первого и не знает, как реагировать. Но оказался все-таки сообразительным, к концу моего выступления понял, что надо смотреть на третьего, который сидел напротив. Так они и смеялись по цепочке.

— А чем вы объясните то, что сатирики сейчас уступили в популярности экстрасенсам, гипнотизерам, парасихологам?

— Только нашей общей болезнью. Когда страна в кризисе,

на сцену выходят гришки распутины. Конечно, людям хочется на что-то надеяться, и они обращаются к гипнотизерам, экстрасенсам. Когда я смотрю сеансы психотерапевтов, то думаю: какая больная страна — вся в спайках! Вся лечится! Естественно, дело не в экстрасенсах, а в том до чего доведен народ отсутствием лекарств, очередями в районных поликлиниках.

Я много езжу и вижу, что все города у нас перерыты, одна шестая часть земного шара перерыта. Причем у меня такое ощущение, что половина населения копает канаву, а вторая половина закапывает. Мне кажется, что мостовые наши лучше на «молниях» делать.

Хочется сатирой растормошить людей. Мне в последнее время говорят: ваша сатира стала злее. Да, злее, потому что от доброй сатиры вообще никакой пользы нет. Если говорить о мышлении, то что ждать от людей, которые с удовольствием смотрят «Рабыню Изауру», а с фильмов Копполы и Формана уходят. И заметили, теперь все называют свои приусадебные участки фазендами. Едят там макароны с хлебом, никогда не слушают Моцарта и Бетховена, но зато на популярного в данный момент эстрадного певца бегом бегут. И таких стадионы собираются, чтобы послушать «Синий туман похож на обман...» или «Яблоки на снегу... больше я не могу...».

Но правда, интерес у людей вырос. Уже растормошили, встряхнули страну перестройкой, политикой. Вот это замечательно! Раньше их интересовало: какими словами ругалась Пугачева? Как падежи связывала? Так постепенно и до Моцарта дойдем.

— Скажите, Михаил Николаевич, а как все-таки рождаются

ваши сюжеты? Вы их пишете с конкретных людей, ситуаций?

— Я вам честно скажу: беру с себя. И про мышление, и про неграмотность в русском языке. Например, я люблю употреблять канцеляризм, когда говорю. А как иначе? Мы все продукт одного общества.

Мне как-то переписали плакат: «Привет освободителям Харькова от немецко-фашистских захватчиков!». Даже я, человек, настроенный на то, чтобы ловить всякие глупости, не сразу понял, в чем тут дело. Через сутки захотел. Дошло. Получается, что немецко-фашистские захватчики прислали привет освободителям Харькова.

Когда я пишу с себя, мне хочется, чтобы и другие узнавали себя в моих сюжетах. А они, если узнают, считают, что это злая сатира, если нет — добрая...

— А как реагируют на ваше мышление те, кто утверждает тексты?

— Уж если у меня мышление, то у них... Это такие люди, которые решают, что можно знать советскому человеку, а что нельзя. Например, один вырезал мне фразу «вернемся к нашим баранам». Он человек неграмотный и не знал, что это выражение из истории. Но знал одно: я на кого-то намекаю. А на кого, понятия не мог. Я у него спрашиваю: «Почему вырезали?». Он: «А кого вы имеете в виду?». Я говорю: «А вы кого?». Он запнулся и с испугу выдохнул: «Я никого». А я: «И я никого». Вот так и поговорили. Но фразу он вырезал.

— Скажите, Михаил Николаевич, а вам не кажется ваш юмор грустным?

— Современный юмор вообще грустный. Что мы высмеиваем? То, что нам нечем дышать, нечего есть, нечего носить. Мы живем не в квартирах, а на жил-

площади. Газету прочитаешь, там пожар, тут наводнение. Мафию раскрыли в пионерской организации...

Обострилась дружба народов из-за общей нищеты. В Риге останавливаю такси, прошу отвезти. Таксист отвечает, что не понимает по-русски. Я говорю: «Дам пять рублей сверху». Понял сразу!

Знаете, разные способы изобретают, чтобы справиться с общей нищетой. Например, налоги повышают. Только я не согласен с тем, чтобы эти налоги шли в закрома Родины. Ведь никто же не знает что это такое. Есть еще один способ, по-моему, очень верный: расформировать бюрократический чиновничий аппарат, ни в одной стране нет такого, заставить его работать и приносить прибыль — вот вам и средства. Но чиновники не хотят и поэтому борются с прошлым, на Сталина все беды валят, забывая, что при таком государственном аппарате всегда бы возник не Сталин, так кто-то другой. И это же нелепость — бороться со Сталиным и Брежневым аппаратом, созданным Сталиным и Брежневым!

Я не говорю обо всех, кто там работает. Среди них есть порядочные, интеллигентные, здравомыслящие люди. Особенно когда по отдельности с ними разговариваешь. Но когда они все вместе, когда в систему попадают — меняются! Значит, система их меняет. Она неправильная.

— На ваш взгляд, есть реальная сила, которая могла бы противостоять этой системе?

— Народные депутаты. Это единственная наша надежда. Плюс смех зрителей, когда я со сцены издеваюсь над мышлением. Пока народ смеется, он еще надеется. Это моя оптимистическая точка зрения.